

ДМИТРИЙ ЦЫМБАЛ-ЕРОХИН

НОЧНОЕ БДЕНИЕ

Дмитрий Цымбал-Ерохин

Ночное бдение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70502794

SelfPub; 2024

Аннотация

Кто-то говорит, что в глухомани Баварских лесов ещё живо наследие языческого прошлого. Другие уверяют, что там поселился Дьявол. Но одинокий рыцарь, к своему сожалению, не знаком ни с одним из этих суеверий, чтобы представить, какая роковая встреча поджидает его в таинственном замке.

Содержание

Дмитрий Цымбал-Ерохин

Ночное бдение

Действие первое

Темный лес

Дыханием ночи холодный ветер проскальзывал в сочленения лат и гонял мурашки по телу рыцаря. По обеим сторонам тропы с одиноким всадником смыкался лес. Рыцарь не гнушался прибегнуть к заступничеству, которое строго порицала церковь – латная перчатка сжимала амулет ведьмы: завернутые в кусок савана кости черного петуха, зарезанного в канун Дня Всех Святых. Колдунья заверяла рыцаря, что оберег отгонит порчу и нечисть. В Баварском лесу нечисть обитала. Как и во всех лесах, озерах и болотах, издавна считавшихся логовами потусторонних сил.

Трясаясь от укусов ветра, баварец Герхард Вайцер недобро вспоминал барона. Его Милостью рыцарь отправился в дебри вслед за пропавшим гонцом, которого посылали в недавно захваченный замок Айнзидлерхёле. «А вдруг и я пропаду?», – размышлял рыцарь, ерзая в седле. – «Сдалась ему эта затерянная в глуши крепостица, где нередко пропадают люди?». Не было у рыцаря даже собеседника, за болтовней с которым он мог отвлечься от шорохов леса. В мимо плетущемся пейзаже суеверному Герхарду мерещился то косма-

тый шрат¹, на деле оказавшийся хвойным кустом, то бледнеющий нахцерер², клацавший клыками, коем служило всего лишь иссушенное дерево, об которое билась на ветру сломанная ветка. На пригорке, увенчанном изъеденными червями ведьмином кругом, рыцарь не стыдясь осенил себя крестным знаменем той же рукой, в которой сжимал колдовской оберег. С минуту на минуту, как считал Вайцер, сюда сползутся костлявые вихты и темные альвы, чтобы в пляске и оргиях славить ложных богов Баварских лесов, чьи имена первые проповедники огнем и мечом выжигали и вырезали из памяти язычников.

Плюмаж на шлеме задел низколетящий филин, которого Герхард в неверном свете луны принял за нетопыря. Боевой конь, чувствуя тревогу хозяина, недовольно фыркнул и сам нырнул в лес, бредя по теряющейся в папоротнике тропе. Рыцарь не осмелился обернуться на ведьмин круг, преследуемый студенистыми взглядами и ледяным ветром. Для Герхарда, как для дневного жителя, ночью все переворачивалось с ног на голову, приобретало потусторонний облик и выглядело неестественным. Как и неестественным ему казалось то, что основатели замка Айнзидлерхёле забрались в баварскую глухомань, когда вокруг столько оживленных дорог и рек, а между ними толкались границами деревни и города.

Поносить барона у Герхарда не было сил, поворачивать

¹ косматые лесные духи

² ожившие мертвецы, близки к вампирам

назад уже не имело смысла, потому что до замка путь был ближе, чем до окраин леса. К тому же, позади раскинулся ведьмин круг, притягивающий нечистую силу. В спутавшихся мыслях рыцарь поминал святых покровителей, да крепче сжимал ведьмовской талисман – что-нибудь из этого уж должно помочь ему в борьбе со страхами ночи. Баварец позабыл о нетопырях и лесных духах, когда из-за скрывавших поворот тропы сосен в спор с тьмой вступил свет фонаря. Незнакомец слепил бликам и покачивался навстречу Герхарду. Тревожные мысли уложили руку рыцаря на меч. Он окликнул низкого бродягу, чей силуэт маячил за светящимся ореолом. Тот молчал.

– Следующий вопрос я задам, приставив тебе лезвие к глотке! – крикнул Вайцер, влив в голос сталь.

– О, что? – ответил мужской голос.

«Вот так всегда, – мелькнуло в голове баварца. – Никто не понимает по-хорошему».

– Я слаб слухом, – продолжал незнакомец с фонарем.

– И умом, раз бродишь в такой час в одиночку. Кто такой?

– Ночной сторож из Айнзидлерхёле. Иду возжечь придорожный фонарь. Я встречаю и сопровождаю путников.

«Как же! Придорожный фонарь, встреча путников в никому не нужной глуши. Ещё б сказал, что к покаянному камню помолиться вышел. Либо колдун, либо разбойник».

– Ну давай, зажигай.

Светящейся точкой незнакомец несколько шагов проле-

тел в темноте и от него родился второй огонек в фонаре, установленном на длинной жерди, которую рыцарь ранее не заметил. Герхард ухмыльнулся, убрал руку с меча и запрягал ведьмовской талисман, да поддал коня к ночному сторожу, чтобы разглядеть его. Это был мужчина лет сорока, из-под капюшона выступал мясистый нос. Незнакомец взирал на рыцаря с такой же долей опаски, с какой долей недоверия смотрел на него Вайцер. Долгого взгляда сторож на себе не выдержал, как если бы боялся, или просто от природы был нелюдим. Фонари бросали скупой свет, пытаясь дотянуться до земли, но темнота густо укрывает её.

– Почему от вас не вернулся гонец?

– Здесь рыщут отряды мятежного герцога. Думаю, это их рук дело. К нам никто не приезжал.

– Правда? Веди меня в замок, сторож.

– Моё имя...

– Веди в Айнзидлерхёле.

Действие второе

Замок

Айнзидлерхёле белой глыбой громоздился на широкой прогалине, которая подобно озеру разлилась среди леса. От опушки до замка простиралось не меньше полумили, так что никто не мог скрыться от всевидящих амбразур бергфрида³ и других башен. Направляясь к Айнзидлерхёле, Герхард гадал, не возвели ли его язычники в стародавние времена, ко-

³ главная и самая укрепленная башня немецких замков

гда свет христианства ещё не коснулся Баварских лесов? По правде, после одиночного путешествия он был склонен думать, что и сейчас чащи утопали во мгле идолопоклонства. Хотя с момента встречи с ночным сторожем, страхи рыцаря отступили. Всего-то и нужно разжиться компанией живой души, чтобы под ветвями не мерещились облики сказочных чудовищ, а в естественных шорохах леса не слышались шаги бестий. За былое малодушие баварцу стало даже стыдно перед собой, но сердце утешалось тем, что позору не было свидетелей.

Перейдя глубокий ров по подъемному мосту, Вайцер цепким взглядом искал следы штурма. Даже на воротах он не разглядел ни единой царапины. От безупречно лакированной поверхности ярким пятном отражался свет фонаря. Перекинутый через ров мост был стар, а защитники ни за что не оставили бы его на месте, отступая в замок. Каким же образом тогда Айнзидлерхёле взяли несколько дней назад?

– Чью сторону держит гарнизон? – потребовал ответ Герхард, освобождая из ножен меч.

– Как же, – упавшим голосом проронил ночной сторож. – Нашего герцога...

Баварец не верил. Он чувствовал себя паршиво от мысли, что угодил в дурацкую ловушку. Рыцарь был готов поклясться непорочностью Девы Марии, что его поджидают мятежники или рыцари-разбойники. Ночной сторож испуганно вжался в угол и выпученными глазами тарасился на об-

наженный клинок. Он едва удерживал в своих руках фонарь, а холодеющую душу – в теле. Послышался щелчок засова, воротная дверь распахнулась. Благо, что вышедший мужчина, пригибавшийся под низким проемом, успел поднять голову раньше, чем Герхард рубанул по ней мечом. Даже по прошествии нескольких лет рыцарь моментально узнал разъединенное оспинами лицо Михаэля фон Брайдэ, рыцаря из Швабии. Вместе им доводилось участвовать в нескольких военных походах. Несмотря на полную противоположность характеров, рыцари хорошо сладили и не раз через знакомых слали друг другу благие пожелания.

– Храни тебя Господь, Михаэль! Я уж решил, что мне устроили тут западню. Даже если так, то уверен, что смогу сдаться тебе со спокойным сердцем.

Герхард Вайцер спешил и высвободил седеющие редкие волосы из-под шлема и полотняного чепчика, открывая товарищу лицо.

– Герхард, – ответил угрюмый Михаэль, обведя старого друга потухшим взглядом.

День у шваба видимо тоже не задался, потому что вместо развязности и неутихающего гомона, всюду сопровождавших фон Брайдэ, он подавал признаки жизни немногим больше каменной глыбы. Не вернулся прежний задор к рыцарю и после того, как Герхард по-свойски похлопал его по плечу. Неловкость начинала давить на баварца и тот предпочел молча последовать за старым товарищем во внутренний

двор.

Ночной сторож похоже был в замке и за конюха, потому что сам повел скакуна Герхарда к стойлу. Рыцарь заприметил там дюжину коней на постое. Он обвел взглядом стены и башни, не заметив ни единого дозорного. Белоснежный замок казался мертвым, как омытые дождем кости, но сейчас путник жаждал отогреться с дороги, нежели вникать в местные странности.

– Так это ты взял замок, Михаэль? Как тебе это удалось сделать без боя?

– Пленили охотившегося в лесу виконта со слугами, – пресно отвечал фон Брайдэ. – Потом показали их гарнизону и те сдали замок за возможность уйти без имущества.

– Вот так? Всё оставили?!

– Всё.

Рыцари поднялись по наружной лестнице бергфрида и вошли в пустую обеденную залу с низким потолком. Камин дотлевающими углями скупно освещал помещение, в котором давно не прибирались. В углу одного из столов стояли две тарелки с остатками ужина. Чаемого тепла промерзший Герхард здесь не нашел.

– Даже слуги ушли?

– Даже они, – ответил Михаэль после неловкой паузы. – Остался только сторож. Он тут за всех.

Выбеленные стены украшали пестрые росписи сцен охоты, прогулок дам в цветущем саду, празднования Пасхи и

Рождества. Картины принадлежали не самому талантливому художнику. Лица получились глуповатыми, фигуры кривыми, а палитра цветов скудна. Но рука мастера словно приобрела грацию, а глаз стал внимательнее на сюжете, помещенном в слабо освещенный угол залы. Сцена изображала пришествие согбенной смерти в черных одеждах к умирающему старику, над которым кружили алые дьявольские лики. Остолбеневший Герхард несколько секунд неотрывно разглядывал сюжет. Образ начал озаряться, оживающая картина полниться пугающими деталями. Это незаметно для баварского рыцаря в залу вошел ночной сторож с фонарем, свет которого пролился на угол.

– Пойдем помолимся, Герхард, – позвал Михаэль.

Вайцер обомлевши взглянул на товарища. Баварец всегда был рад посетить службу, вознести молитвы к всевышнему. Но не замечал того за Михаэлем фон Брайдэ, который и «Отче Наш» порой додумывал на ходу, не зная истинных строк.

– Не поздновато ли молиться?

– Молиться никогда не поздно, Герхард. Близится ноктюрн⁴.

– Тут остался священник?

– Сторож был дьяком – знает молитвы.

Герхард Вайцер посмотрел на мясистое лицо низкорослого мужика с фонарем. Тот смущенно отвел блестящие как маслины глаза, забравшиеся под тяжелые брови. Чем толь-

⁴ канонический час, ночная молитва

ко оказывается не занимался мужик в Айнзидлерхёле. Подавив дорожную усталость, рыцарь отправился за Михаэлем к лестнице на второй этаж.

– Барон отправил меня следом за пропавшим гонцом...

– После, – резко ответил Михаэль. – После молитвы.

Герхард не узнавал Михаэля фон Брайдэ. Того самого, которому хватало малейшего повода для попойки. Шваб предпочитал молитве упиться и позабыв о жене, улечься с продажной девкой. Вайцер даже вновь всмотрелся в изрытые оспинами щеки и нос, чтобы убедиться, что не спутал товарища с кем-то другим. В ком он не ожидал увидеть таких перемен, так это в Михаэле фон Брайдэ. И война с грабежами, ради которых швабский рыцарь жил, сейчас совершенно не интересовала его. Будто её не было, будто захват захолустного Айнзидлерхёле переменял в нем что-то.

Свет фонаря наступал на пятки отползавшей тьме. Рыцари разгоняли тишину звоном шпор, но никто даже не интересовался, кто расхаживает по замку в такой час. Словно их в замке было трое. Рыцари и сторож остановились у подсвеченной светом изнутри двери в конце коридора. За ней ютилась небольшая замковая молельня. Герхард первым шагнул в залитое дрожащим светом помещение, где густо разлетался запах воска и ладана. Со стен на рыцаря безразлично смотрели апостолы и Дева Мария с младенцем Иисусом на руках, на боковой стене толпилось множество германских святых. Но то, что заменяло алтарь, повергло ба-

варца в замешательство. Рыцарь потерял равновесие, когда его неожиданно толкнули в спину. В мгновение, которое он успел застать до закрытия двери, Герхард увидел пакостно усмехавшееся мясистое лицо ночного сторожа. В темных глазах зловеще плясали золотые чертики, а может всего лишь блики свечных огоньков. Засов оглушительно защелкнулся.

– Михаэль! – крик обрушился на дверь вместе с гулким ударом латного кулака. – Во имя всех святых, отопри!

– Прости, Герхард, – отвечал приглушенный голос. – Вспоминай молитвы, все, какие знаешь. Скоро Ноктюрн. Молитва и свет – твои спасители. Не дай погаснуть кругу свечей. Продержись до лауды⁵.

– Дьявол забери твою душу, о чем ты говоришь?

– О Дьяволе, что уже точит клыки на твою душу, – отвечал ему окрепший голос ночного сторожа. – Это гроб адского исчадия, а замок – его склеп. Кто-то должен нести ночное бдение.

– Я ухожу, Герхард, – вторил Михаэль фон Брайдэ. – Обещаю до конца дней молиться за твою душу, за то, что ты сменил меня на страшном посту. Не забывай: свечи не должны погаснуть до лауды.

Напрасно рыцарь гремел кулаками по двери и срывал голос. Михаэль фон Брайдэ ушел вместе с ночным сторожем. Оставил Герхарда наедине с тем, что стояло запечатанным

⁵ утренняя молитва на рассвете

в запертой часовне. Взгляд баварца пал на окруженный свечами черный гроб, стоявший там, где пристало находиться алтарю. Тесное жилище мертвеца опутывали тяжелые цепи, скованные железными замками. В стену над гробом было вбито треснувшее деревянное распятие и гвозди, на которых висела дюжина нательных крестов. Будто в гробу старались сдержать что-то при помощи земной и сакральной силы.

Действие третье

Ноктюрн

Редкие волосы пристали к взмокшему лбу и раздражающе лезли в глаза. Гнев звучал зубным скрежетом и понукал к новым ударам. Бестолку. В борьбе с запертой дверью Герхард смог только согреться. Окошки в молельне были малы для взрослого мужчины, чтобы в них пролезть. Звезды одна за другой вспыхивали свидетелями предстоящих событий. Не счесть проклятий, которые запертый рыцарь обрушил на Михаэля фон Брайдэ и ночного сторожа. Подивил он свою христианскую душу умением придумывать бранные словосочетания и ухищрённые пожелания мучительной смерти. Но это была бессильная злость, после которой в ослабшее тело Герхарда свинцом налилась усталость.

Баварский рыцарь, покачиваясь, встал перед скованным гробом. По поверхности ящика бегало сияние огоньков на мутных подтеках воска. Свечи хомутом замкнулись вокруг пристанища покойника. Искрой в мыслях Вайцера вспыхнуло объяснение случившегося. В гробу лежал не иначе как

пропавший гонец, а Мизаэль фон Брайдэ с сослуживцами либо переметнулся на сторону мятежников, либо всегда держал от них замок и вел какую-то свою политическую игру. Если тление и коснулось тела покойника, то его запах успешно подавлял витающий вокруг ладан. Для Герхарда все началось складываться в единую картину. Он был убежден, что вскоре его найдут в молельне подле трупа гонца. Избавиться от тела, запрятанного под цепи и замки, было невозможно. Сбежать из запертой часовни – тоже. Вину в убийстве, да ещё и с намеками на колдовство, коль скоро гроб стоит на месте алтаря, повесят на Вайцера.

Утробно загудел пустой желудок. Сейчас бы рыцарь с радостью предпочел дважды увидеть дно в кружке с баварским пивом, вместо устроенного в часовне богохульства. Ругательства так и застыли в горле, когда гроб вздрогнул и брякнул цепями. Герхард похолодел и попятился, хватаясь за меч. Спиной он чуть не повалил подсвечник. Рыцарю не привиделось. Черный ящик внезапно заходил ходуном, загремел цепями. Кто-то пытался выбраться из гроба.

Остолбеневший баварский рыцарь не сводил глаз с трясущегося ящика. Сердце рыцаря то подпрыгивало к горлу, то скатывалось в пятки в такт стуку замков. Крышка гроба задрожала, затем подпрыгнула, но упершись в натянутые цепи, захлопнулась. Следующий прыжок Герхарду показался выше. Из чернеющей расщелины подул могильный ветер, качнувший огоньки свечей, задвигав тени по стенам. Только то-

гда рыцарь пришел в себя и вспомнил наставления Михаэля – нельзя дать погаснуть свету до лауды! Он выхватил из светца лучину и припал на колени, оживляя потухшие свечи. Пробуждалось и рвалось на свободу неведомое зло. Герхард вдохнул сочившийся из-под крышки серный смрад. Сера и ладан, как два начала, противостояли друг другу в часовне, где развернулась схватка живого рыцаря и жуткого мертвеца.

– Святой Ангел Божий, хранитель и покровитель души моей! – бормотал метавшийся на коленях по полу Герхард. – Пребуди со мною сегодня, направь меня на путь заповедей Божьих и удали от меня все искушения зла...

За окнами мельтешили тени. Молившемуся рыцарю показалось, что вся нечисть Баварских лесов тянулась к замку, штурмовала его стены и взбиралась на крыши. Способен ли бы простой покойник, будь это гонец от барона, не преданный праведному погребению, учинять такое зло, или же в чёрном гробу закрыли нечто более могущественное? Кто знал, каким образом первые христианские проповедники одолели языческих богов этого края. Урывками возвращаясь к этим мыслям и последним словам ночного сторожа, борющийся за свет Герхард находил объяснение возведению Айнзидлерхёле в глуши лесов.

– Огради меня, Господи, силою животворящего креста твоего, – сотрясался Вайцер, ползая от одной погасшей свечи к другой. – И сохрани меня в эту ночь от всякого зла!

Исказились лица святых, апостолов и Девы Марии, начер-

таннных на стенах часовни. Глаза их осудительно вгрызались в молящегося рыцаря. Обратившийся горгульей Иисус на руках земной матери скалил клыки. Заходился смехом, распятый на дьявольской пентаграмме взрослый Христос. Герхард Вайцер не узнавал он ни одного христианского лика, у которых искал поддержки, но видел демонические морды, узурпировавшие благолепные образы. Зловонный ветер из-под вздымавшейся крышки кусал дрожащий свечной круг, но баварский рыцарь, не покладая рук и не разгибая спины, боролся за его сохранение. Боролся не как привык – мечом – а зажженной лучиной.

– Пресвятая Дева Богородица, пошли на помощь святые легионы, чтобы они под Твоим руководством, Твоею силой преследовали адские силы, везде с ними сражались, отбили их дерзкие нападения и ввергли их в бездну!

Прошла четверть часа, или все три часа – Герхард того не знал. Крепясь с болью в коленях и пояснице, он отходил от круга лишь за новой лучиной и только, когда старая начинала жечь пальцы. Свечи меж тем изливались восковыми нарывами, уменьшались и предательски таяли, грозясь оставить своего кормителя в темноте. Рыцарь трясся в такт собственной тени, кидавшейся по стенам в неверном свете, но продолжал выуживать из памяти одну молитву за другой. Или же убеждал себя в том, что вспоминает, когда на деле лепил строки из разных гимнов и псалмов в один ком, которым и удерживал рассудок в кружащейся от потрясений ночи голо-

ве.

Доски пола под баварцем со скрипом закачались морскими волнами. В открывавшихся и захлопывающихся зазорах Герхард Вайцер несколько раз до крови прищемил пальцы. Стон ветра из-под крышки гроба едва не погасил круг, разорвав его в нескольких местах. Герхард, заплетаясь в собственных руках и коленях, опрокинул подсвечник, который моментально погас, не дав заняться пожару, которому рыцарь уже был бы рад. Он схватил из светца последнюю лучину, с которой бросился в столь отчаянный бой, каких не встречал с копьем наперевес. Сколь бы яростно запертый дух не рвался наружу, пуще ему упрямылся Герхард, моливший теперь о том, чтобы свечей хватило до лауды.

Усталость рвала мышцы Герхарда. Догорающая лучина стала непомерно тяжелым грузом разбитым рукам. Гроб застыл также неожиданно, как загрохотал и все затихло. Герхард, мучаясь от боли в затекшей шее, посмотрел на окна и обомлел. На стеклах розовел отблеск рассвета, золотивший стены молельни. Ноктюрн завершился. Наступала лауда. Святым, апостолам и Богоматери с младенцем вернулись праведные лики. Со скрипучим стоном Вайцер поднялся на одеревеневшие ноги и перекрестился. Из его ослабевших рук выпала лучина.

И погасла.

Померкло зарево за окном, потухли свечи. Со стены следело святое распятие, а следом с гвоздей посыпались натель-

ные кресты. Коварный демон, насмехаясь, обманул Герхарда Вайцера. С грохотом рухнули цепи и замки. Тьма разверзлась перед аметистовым светом, струившемся из распахнувшегося гроба. Рыцарь уперся спиной в запертую дверь. Он хватился оберега бретонской ведьмы, но мешочек из савана самопроизвольно развязался и кости черного петуха покатались по полу. Они собрались в птичьи ноги и посеменили прочь, но рассыпались через мгновение, так и оставшись лежать, будто на тарелке после пира. Дрожащими руками рыцарь извлек нательный крест, крепко сжав его в одной руке, в то время как вторая стискивала меч.

Из недр гроба словно по ступеням поднялась молодая девушка манящие очертания тела которой проглядывались через тонкую камизу. Густые волосы медовой рекой разливались по острым плечам сероокой девушки. Герхард Вайцер оторопел. Чем дольше баварский рыцарь всматривался в её молодое лицо, тем явственнее образ превращался в покойную жену. Любовь всей его жизни, редко выпадавшая дворянам, которая не смогла разрешиться от долгожданной беременности.

В черном гробу неутешно заплакал ребенок. В сердце Герхарда что-то шевельнулось.

– Пойдем, – елейным голосом позвала супруга. – Твой сын ждет тебя. Он ждет нас.

– Но вы умерли...

– Иди ко мне, Герхард. Мы будем вместе.

Каков бы ни был соблазн, Вайцер не мог поверить в то, что перед ним стояла давно покинувшая мир живых супруга. Навернувшиеся на веки жемчужины слез на мгновение ослепили его. А когда рыцарь смахнул их, перед ним воплощением ослепительной чистоты предстала сама Дева Мария. Запертая в страшной обители трусливым Михаэлем фон Брайдэ и лживым ночным сторожем. Ласковая улыбка женщины вселяла в него уверенность, дарила спокойствие. Тонкая рука тянула к нему свои пальцы. Их разделял один шаг.

«На воскрешение Богородицы не слетается нечисть, – мелькнуло в голове рыцаря. – И не смердит серой».

Демон услышал эти мысли. Сияние лица сменилось гранитной серостью. Глаза наполнились бездонной пустотой существа, чью душу изъели утробы Преисподней. Молельня погружалась во мрак. Баварец сжал крест, который обжигал ладонь проказами Дьявола. Герхард Вайцер на подкашивающихся ногах со взмахом меча бросился вперед и утонул во тьме.

По коридорам Айнзидлерхёле прокатился долгий крик.

Эпилог

Утро

Косые лучи рассвета, играясь с пылинками, падали на расписанные стены залы. Сцены охоты, прогулок дам в цветущем саду, празднования Пасхи и Рождества будто отходили ото сна, наполнялись цветом. Но забившийся в угол сюжет о смерти, пришедшей к старику, вокруг которого летали

красные демоны, оставался в непоколебимой тени. Любимая роспись ночного сторожа, одиноко проживавшего в Айнзидлерхёле. Он прибрался в опустевшей конюшне, поставил на огонь котелок с овсяной кашей. Мужчина поднялся по лестнице, прошел вдоль пустых комнат за закрытыми дверями и отпер засов молельни.

В пустом помещении его встретили безучастные взгляды немецких святых, апостолов и Девы Марии с Иисусом. Новый день проникал через маленькие окошки и, если бы не черный гроб, вместо алтаря, часовня приходилась бы самым уютным местом в пустом замке. Ночной сторож отложил деревянный чемоданчик, перекрестился, не заметил, как по обыкновению прочел Отче Наш и вновь опутал пристанище демона цепями и замками. Старые свечи, заплывшие воском, он сменил новыми. Затем приземистый мужчина вернулся на место деревянное распятие, а дюжину нательных крестов на гвоздики, вбив ещё один в стену.

Ночной сторож пошаркал к середине часовни и подобрал с пола крест, который повесил на новый гвоздь. Тринадцатым по счету. В следующем году ему предстояло встретить на дороге нового путника. Кто-то ведь должен стоять в ноктюрн у гроба Дьявола Баварских лесов.